

ученію Пивагора, дѣлается изъ мула, а змѣя—изъ женщины ¹⁾, и для доказательства этого употребить все искусство діалектики и краснорѣчія, то не вызоветъ ли онъ согласія съ собою и не возбудитъ ли твердой рѣшимости воздерживаться отъ мяса животныхъ изъ опасенія, какъ бы въ этомъ мясѣ не съѣсть плоти какого либо своего предка? Но если христіанинъ станетъ учить, что изъ человѣка снова сдѣлается человѣкъ и именно изъ Гая—Гай, то народъ закричитъ, что такого учителя не только не должно слушать, но должно даже побить камнями или по крайней мѣрѣ не должно приходить къ нему ²⁾. Если есть какое либо основаніе къ возвращенію человѣческихъ душъ въ тѣла, то почему онѣ не могутъ возвратиться въ тѣ же самыя тѣла, въ которыхъ были и прежде, ибо это дѣйствительно значить воскреснуть (*rescitur*), снова сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ были прежде. Сами онѣ не то, чѣмъ были прежде, потому что онѣ не могутъ быть тѣмъ, чѣмъ не были, если не перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ были. Если бы мы захотѣли разсуждать о томъ, кто въ какого звѣря долженъ преобразиться, то потребовалось бы много шутокъ и много празднаго времени. Но будемъ говорить болѣе о томъ, что касается нашей защиты. Мы проповѣдуемъ, что, конечно, гораздо благоразумнѣе вѣрить, что человѣкъ произойдетъ изъ человѣка, какой угодно—изъ какого угодно, лишь бы человѣкъ изъ человѣка, чтобы та же самая натура души перешла въ ту же самую натуру тѣла, хотя бы и не въ тотъ же самый образъ. Конечно, такъ какъ причина воскресенія состоитъ въ назначеніи суда, то необходимо долженъ явиться тотъ же самый человѣкъ, который и былъ, чтобы получить отъ Бога опредѣленіе награды или наказанія. И тѣла должны воскреснуть, потому что одна

¹⁾ Лаберій—комикъ временъ Цезаря. Риббекъ собралъ отрывки его стихотвореній. Тамъ между прочимъ говорится: *et nunc de mulo hominem, colubram de muliere faciunt (philosophi)* и теперь философы тѣлаютъ изъ мула человека, изъ женщины—змѣю.

²⁾ Смысль такой: философы, болтавшіе о переселеніи душъ, собирали вокругъ себя толпы слушателей и убѣждали ихъ въ своемъ ученіи; а христіане, проповѣдующіе о воскресеніи мертвыхъ въ вѣчной жизни, вызываютъ въ язычникахъ жестокія преслѣдованія противъ себя.

Апологетическія сочиненія Тертуліана.

душа не можетъ страдать безъ твердой матеріи, то есть, плоти, и потому что то, что души вообще должны переносить по суду Божию, онѣ заслужили не безъ тѣлѣ, въ которыхъ онѣ все дѣлали ¹⁾. Но какимъ образомъ, ты спрашиваешь, можетъ явиться на судъ разрушившаяся матерія? Поразмотри себя самого, о человѣкѣ, и повѣришь этому. Вспомни, что ты былъ, прежде чѣмъ сталъ существовать. Конечно, ничто; ибо если бы ты былъ что либо, то ты помнилъ бы это. Поэтому ты, который былъ ничто, прежде чѣмъ сталъ существовать, обратившись въ то же, то есть, ничто, когда перестанешь существовать, отчего по волѣ Того же самаго Виновника, Который пожелалъ, чтобы ты былъ изъ ничего, снова не можешь появиться изъ ничего? Что новаго случится съ тобою? Ты когда то не былъ, однако явился; также явишься, когда тебя снова не будетъ. Объясчи, если можешь, какъ ты явился, и тогда спрашивай, какъ ты явишься. А однако во всякомъ случаѣ легче тебѣ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ ты былъ нѣкогда, потому что ты безъ труда нѣкогда сдѣлался тѣмъ, чѣмъ никогда не былъ. Думаю, быть можетъ, сомнѣваюся въ силѣ Бога, создававшего такой міръ изъ того, что не существовало, такъ сказать, изъ бездны

---

¹⁾ Здѣсь приводится двѣ причины воскресенія тѣлѣ и соединенія ихъ съ тѣми душами, съ которыми они прежде жили: а) невозможность страданія душъ безъ тѣлѣ, и б) совмѣстная, общая ихъ дѣятельность, заслужившая или награды или наказанія. Первая причина требуетъ уясненія. Она повидимому даетъ право полагать, что Тертулліанъ не допускаетъ никакихъ мученій до дня всеобщаго воскресенія. А это противорѣчитъ ученію Священнаго Писанія и ученію самого Тертулліана въ другихъ мѣстахъ, гдѣ говорится, что души по разлученіи съ тѣлами страдаютъ или блаженствуютъ. Такъ въ книгѣ *De resurrectione carnis* онъ говоритъ, что *animas nunc torqueri foverique penes interos, licet nudas, licet adhuc exsules carnis*. С. 17. Но это кажущееся противорѣчіе примиримо. Души, по разлученіи съ тѣлами, не страдаютъ за такого рода проступки, въ которыхъ дѣятельное, активное участіе принимали тѣла ихъ, каковы: чувственные проступки. Но за проступки, чисто духовные, какъ напр.: гордость, властолюбіе, онѣ страдаютъ тотчасъ по разлученіи съ тѣлами.

пустоты и ничтожества, оживившаго его духомъ, оживляющимъ всѣ души, и открывшаго самый примѣръ человѣческаго воскресенія во свидѣтельство вамъ. Свѣтъ, ежедневно исчезающій, снова появляется; точно также и тьма послѣ своего изчезновенія снова возвращается. Потухшія звѣзды снова испускаютъ лучи. Времена тамъ начинаются гдѣ оканчиваются. Плоды созрѣваютъ и снова растутъ. Сѣмена только такія даютъ обильный ростъ, которыя сгнили. Все сохраняется, погибая, и все восстанавливается чрезъ погибель. Ты, человѣкъ,—какое великое имя, если бы ты понималъ себя хоть вслѣдствіе изреченія Пифіи ¹⁾,—господинъ всего того, что умираетъ и оживаетъ, неужели умрешь для того, чтобы не возстать? Гдѣ бы ты ни прекратилъ свою жизнь, какая бы сила тебя ни истребила, ни поглотила, ни уничтожила, она возвратитъ тебя. Тому принадлежитъ и самое ничто, кому все (totum). Поэтому, вы говорите, должно всегда умирать и всегда воскресать. Если бы Владыка вселенной сдѣлалъ такое опредѣленіе, то тогда по необходимости, противъ воли должны были бы подчиняться ему. Но Онъ теперь опредѣлилъ такъ, какъ возвѣстилъ. Тотъ разумъ, который образовалъ вселенную изъ противоположныхъ субстанцій—изъ пустого и плотнаго, изъ одушевленнаго и неодушевленнаго, изъ осязаемаго и неосязаемаго, изъ свѣта и тьмы, изъ жизни и смерти, такъ распредѣлилъ и устроилъ, что первый періодъ существованія міра, въ которомъ мы живемъ, времененъ, а второй, котораго мы ожидаемъ, вѣченъ. Поэтому, когда наступитъ конецъ

---

¹⁾ De titulo Pythiae. Что это за изреченіе Пифіи? Нѣкоторые полагаютъ, что это-то самое, которое здѣсь же непосредственно и приводится, а именно: *человѣкъ есть господинъ всего того, что умираетъ и оживаетъ*. Но такое мнѣніе достаточно опровергнуто еще Нурри, такъ какъ думающими такъ не доказано, что Пифіи принадлежитъ это изреченіе, и такъ какъ Тертуліанъ здѣсь явно говоритъ, что изъ какого то изреченія Пифіи человѣкъ могъ бы понять, что онъ есть господинъ всего умирающаго и воскресающаго, а не то, что это и есть изреченіе Пифіи. А поэтому вѣроятноѣе думать тѣ, которые подъ упоминаемымъ здѣсь изреченіемъ Пифіи разумѣютъ то самое, которое было написано на храмѣ Аполлона Пифійскаго: *γινώθι σεαυτόν, познай себя самого*.

вѣка и когда временная форма этого міра, распростертая предъ вѣчностью на подобіе завѣсы, измѣнится; тогда воскреснетъ весь чело-вѣческій родъ для полученія того, чего заслужилъ въ этомъ вѣкѣ—хорошаго или худаго, и для опредѣленія того и другого на безпредѣльную вѣчность. Слѣдовательно уже не будетъ ни новой смерти ни новаго воскресенія, но будемъ тѣми же, какіе теперь, и не будемъ дру-гими послѣ того, именно: почитатели Бога, облеченные вѣчнымъ тѣломъ, будутъ находиться предъ лицомъ Его всегда, а непочитатели Его бу-дутъ наказаны вѣчнымъ огнемъ, который по своей натурѣ именно божественной будетъ неогораемъ. И философамъ извѣстно различіе между снѣгомъ тайнымъ и явнымъ или обыкновеннымъ. Издавна од-нимъ огнемъ пользуются люди, а другой служитъ орудіемъ бже-ственнаго суда. Этотъ послѣдній огонь или низводитъ съ неба мол-нію или изрыгаетъ пламя изъ земли чрезъ кратеры. Онъ не уничто-жаетъ того, что жжегъ, но по мѣрѣ того, какъ истребляетъ, сози-даетъ. Поэтому горы всегда пылаютъ, и тотъ, кого поражаетъ не-бесная молнія, остается невредимъ, такъ что его не обращаетъ въ пепелъ уже никакой огонь ¹⁾. И это можетъ свидѣтельствовать объ огнѣ вѣчномъ и быть примѣромъ непрестаннаго суда, производящаго наказаніе: горы горятъ и остаются цѣлы. Что же преступники и вра-ги Божіи? ²⁾.

49. Такое ученіе, когда мы проповѣдуемъ, считаютъ предраз-судкомъ, а когда—философы и поэты, —наивысшимъ знаніемъ и пе-чагью гениальности. Они мудры, а мы глупы; они достойны чести, а мы—насмѣшекъ и даже болѣе того—наказаній. Положимъ, что то ученіе, которое мы теперь защищаемъ, на самомъ дѣлѣ есть пред-разсудокъ; но оно необходимо. Положимъ, что оно глупо; однако по-лезно, такъ какъ тѣ, которые вѣрятъ ему, вынуждаются дѣлаться

¹⁾ Этотъ указывается, вѣроятно, на то, что трупы людей, уби-тыхъ молніею, не сжигались, а зарывались въ землю по требованію ре-лигіи (Plin. Hist. nat. II, 54).

²⁾ Такъ грѣшники и гонители христіанъ будутъ вѣчно горѣть и не
сгорѣть

лучшими, боясь вѣчнаго огня и надѣясь на вѣчное блаженство. Поэтому не слѣдуетъ называть ложнымъ и считать глупымъ то, что способствуетъ предвидѣть истину. Ни подъ какими предлогами не позволительно осуждать то, что полезно. Игакъ вы заслуживаете обвиненія въ предразсудкѣ, такъ какъ осуждаете то, что полезно. Поэтому ученіе наше не можетъ быть глупо. Но если оно ложно и глупо, то однако никому не приноситъ вреда. Его, конечно, нужно было бы поставить въ одинъ рядъ со многими другими ученіями, за которыя вы не подвергаете никакому штрафу, такъ какъ они пусты и легендарны, и за которыя вы не обвиняете и не наказываете, такъ какъ они безвредны. Но и въ такомъ случаѣ ¹⁾ его должно подвергать (если только должно) осмѣянію, а не мечамъ, огнямъ, крестамъ и звѣрямъ. Вслѣдствіе этой несправедливой жестокости не только невѣжественная толпа, но и вѣкоторые изъ васъ приходятъ въ фанатизмъ, именно тѣ, которые расположеніе черни списываютъ путемъ несправедливости и хвастаются этимъ. А какъ будто все то, что вы можете дѣлать противъ насъ, не отъ нашей воли зависитъ. Конечно, я христіанинъ, если желаю этого. Слѣдовательно, ты тогда только можешь осуждать меня, когда я пожелаю быть осужденнымъ. Но если того, что можешь противъ меня, ты не можешь, если я не захочу; то ужъ то, что ты можешь, зависитъ отъ моей воли, а не отъ твоей власти. Поэтому и чернь напрасно считаетъ своимъ триумфомъ наши мученія. Этотъ триумфъ, который она приписываетъ себѣ, скорѣе принадлежитъ намъ, которые желаютъ скорѣе подвергнуться осужденію, чѣмъ отпасть отъ Бога. Напротивъ, тѣ, которые насъ ненавидятъ, должны были бы скорѣе печалиться, чѣмъ радоваться, такъ какъ мы достигаемъ того, что избрали.

50. Поэтому, вы говорите, зачѣмъ вы жалуетесь на то, что мы преслѣдуемъ васъ, если вы желаете страдать? Напротивъ, вы должны были бы благодарить тѣхъ, чрезъ которыхъ переносите то, чего же-

---

¹⁾ *In ejusmodi enim...* Необыкновенная конструкція: нарѣчный генетивъ употребленъ съ предлогомъ *in*, какъ существительное. Подобная конструкція и въ *Ad nationes II, 1.*

лаете. Да, мы хотимъ страдать; но такъ, какъ и воинъ хочетъ войны. Онъ переноситъ ее не съ удовольствіемъ, такъ какъ съ нею связаны страхъ и опасность. Однако онъ и сражается всѣми силами, и, побѣждая, радуется въ сраженіи, потому что пріобрѣтаетъ славу и добычу, хотя жаловался на сраженіе. Наше сраженіе состоитъ въ томъ, что мы вызываемся на судъ, чтобы бороться за истину под страхомъ лишиться жизни. Удержаніе же того, за что боремся, составляетъ нашу побѣду. Эта побѣда имѣетъ и славу—быть угоднымъ Богу, и добычу—жить вѣчно. Но насъ ведутъ на смерть, конечно, тогда, когда удерживаемъ то, за что боремся. Поэтому мы побѣждаемъ, когда насъ убиваютъ; наконецъ мы уходимъ изъ міра, когда насъ ведутъ на судъ. Теперь вы можете называть насъ сарментіціями и семаксіями ¹⁾, потому что насъ сожигаютъ, привязавъ къ дереву, раздѣленному пополамъ, и обложивъ кругомъ сучьями. Таковъ наружный видъ нашей побѣды; таково наше почетное одѣяніе; на такой колесницѣ мы совершаемъ триумфъ. Поэтому мы не безъ основанія не правимся побѣжденнымъ; поэтому насъ считаютъ людьми отчаянными и погибшими. Но эта отчаянность и эта гибель возносятъ у васъ знамя мужества до дѣла славнаго и почетнаго. Муцій охотно оставилъ свою правую руку на жаровнѣ: о крѣпость духа! Эмпедоклъ отдалъ всего себя огню Этны: о сила воли! Извѣстная основательница Карфагена съ костромъ сочеталась вторымъ бракомъ ²⁾: о чудо дѣломудрія! Регулъ, чтобы не жить одному для пользы многихъ непріятелей, получилъ раны на всемъ тѣлѣ: о мужъ храбрый и побѣдитель въ плѣну! Анаксархъ, когда его на смерть били въ ступнѣ, говорилъ: *бейте, бейте мнѣ* ³⁾ *Анаксарха, ибо Анаксарха вы*

¹⁾ *Sarmenticius* отъ *sarmentum* вѣтвь, тонкая вѣтвь виноградной лозы. *Semaxius* отъ *semi* полу и *axis* ось, доска. Причина названія христіанъ *sarmenticii* и *semachii* приводится здѣсь же самимъ Тертуллианомъ.

²⁾ Дидона послѣ смерти своего мужа Сихея сожгла себя на кострѣ, чтобы не выйти замужъ за Ярбу, царя мавровъ (Just. X VIII, 4—7).

³⁾ *Follem* = corpus.

не бѣте: о мужество философа, шутившаго даже и при такой своей кончинѣ. Я опускаю тѣхъ, которые, желая пріобрѣсть себѣ имя, убивали самихъ себя мечемъ или другимъ какимъ либо болѣе легкимъ способомъ, хотя вы хвалите и за такого рода страданія. Аѳинская пѣтера, утомивъ палача, выплевываетъ наконецъ свой откушенный языкъ въ лицо тиранна ¹⁾, чтобы не имѣть возможности открыть заговорщиковъ, если бы она, вынужденная пытками, и рѣшилась сдѣлать это. Когда Зенонъ Элеецъ, будучи спрошенъ Діонисіемъ о томъ, что доставляетъ человѣку философія, отвѣтилъ: презрѣніе къ смерти, и когда этотъ тираннъ повелѣлъ бить его плетью; то онъ безчувственный доказывалъ самымъ дѣломъ свои слова до самой смерти ²⁾. Истокія бичеванія лакедемонянъ, совершавшіяся на глазахъ родственниковъ, которые даже поощряли къ нимъ, столько приносили чести терпящему дому, сколько проливали крови. О позволительная слава, потому что человѣческая! Ей не приписываютъ ни пагубнаго предразсудка, ни отчаяннаго упорства, когда она презираетъ смерть и всякаго рода мученія. Ей дозволено столько терпѣть за отечество, за собственность, за власть, за дружбу, сколько не дозволено терпѣть за Бога. И, кромѣ того, вы поставляете всѣмъ имъ статуи, дѣлаете изображенія съ надписями и вырѣзаете на доскахъ похвальные слова для всегдшняго памятованія. Да, вы чрезъ монументы нѣкоторымъ образомъ обезпечиваете мертвымъ воскресеніе, насколько то вы можете. А кто ожидаетъ отъ Бога истиннаго воскресенія, когда страдаетъ, тотъ безуменъ. Но, добрые намѣстники, гораздо лучшіе въ

¹⁾ Разумѣется Леза, которую никакія пытки не могли принудить открыть заговоръ Гармодія и Аристокитона, сотоварищей ея по пѣбію. Ея аѳиняне воздвигли статую, изображавшую львицу безъ языка, такъ какъ она (Леза), откусивъ свой языкъ, выплюнула его тиранну.

²⁾ Имя Зенонова тиранна трудно съ точностью опредѣлять. Уже древніе писатели разогласили въ указаніи имени этого тиранна. Такъ по однимъ имя его было Непархъ или Діомедонъ (Диогенъ Лаэртій), по другимъ—Демиль (Плутархъ), по Тертулліану же—Діонисій. Но тутъ Тертулліанъ, кажется, ошибается. Ибо Зенонъ Элеатскій умеръ около 79 олімпіады, а Діонисій былъ тиранномъ около 94 олімпіады.

глазахъ народа, если приносите ему въ жертву христіанъ, дѣлайте это, распинайте насъ на крестахъ, подвергайте пыткамъ, осуждайте, истребляйте. Ваша несправедливость доказываетъ нашу невинность. Поэтому Богъ допускаетъ переносить намъ все это. Еще недавно вы открыто признали, что у насъ нарушение цѣломудрія считается тяжѣе всякаго другого наказанія и всякаго рода смерти, ибо вы приговорили христіанку къ отдачѣ въ публичный домъ¹⁾, а не на разтерзаніе льву. Но никакая изысканная жестокость ваша не приноситъ вамъ успѣха: она скорѣе располагаетъ къ сектѣ нашей. Чѣмъ болѣе вы истребляете насъ, тѣмъ болѣе мы умножаемся; кровь христіанъ есть сѣмя. Многие и изъ вашихъ убѣждаютъ терпѣливо переносить скорбь и смерть, какъ напримѣръ: Цицеронъ въ Тускуланахъ, Сенека — въ Фортунгахъ, Диогенъ²⁾, Пирронъ, Каллиникъ; однако они не находятъ себѣ столько учениковъ, сколько христіане, ибо тѣ учатъ словами, а эти — дѣлами. Самое упрямство, за которое вы осуждаете, есть учительница. Ибо кто, видя его, не постарается поразмыслить, въ чемъ тутъ дѣло. Кто не приходитъ къ намъ, лишь только поразмыслить? Кто не пожелаетъ сгладить, лишь только придетъ, чтобы получить вполнѣ милость Божию, чтобы черезъ кровь свою приобрести прощеніе за свои грѣхи? Ибо всѣ грѣхи отпускаются за это. Поэтому мы здѣсь же воздаемъ благодарность за ваши приговоры. Такъ какъ человѣческое и божественное право находится въ непріязненномъ отношеніи, то Богъ прощаетъ насъ въ то самое время, когда вы осуждаете.

1) Неизвѣстно, какая это была христіанка.

2) *Tusculanae disputationes* Цицерона раздѣляются на пять книгъ и въ первой книгѣ говорится о презрѣніи смерти. Въ *De remediis fortuitorum* Сенека разсуждаетъ тоже о презрѣніи смерти. Разумѣется, вѣроятно, книга Диогена Циника *De morte*, о которой упоминаетъ Диогенъ Лаэртій (VI, 12, 80):

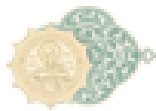
De testimonio animae.

Сочиненіе Тертуліана „De testimonio animae“, „О свидѣтельствѣ души“, по объему очень мало, около полулиста печатнаго, и раздѣляется на 6 главъ; но по содержанію оно оригинально. Нѣкоторые христіанскіе писатели въ цѣляхъ апологетическихъ и въ цѣляхъ распространенія христіанства сближали христіанское религіозное міровоззрѣніе съ такимъ же міровоззрѣніемъ языческимъ. Они доказывали, что нѣкоторые христіанскіе догматы въ томъ или другомъ видѣ возвѣщены были лучшими писателями греческими и римскими—поэтами, философами, историками. Тертуліанъ оставляетъ этотъ способъ защиты христіанства и излагаетъ въ этомъ сочиненіи новый способъ его защиты, противоположный тому. Тутъ онъ для этой цѣли обращается не къ образованному міру языческому—греческому и римскому, а къ толпѣ, черни. Онъ ищетъ подтвержденія ученія христіанскаго не въ душѣ человѣка образованнаго, а въ душѣ человѣка грубаго, невѣжественнаго, чуждаго всякой культуры и цивилизаціи. „И“, говоритъ онъ, „призываю тебя, душа, не такую, которая изрыгаетъ мудрость, получивъ образованіе въ школахъ, поработавъ въ бібліотекахъ, насытившись въ академіяхъ и греческихъ портикахъ. Я обращаюсь къ тебѣ простой, грубой, невѣжественной, какова ты у тѣхъ, которые имѣютъ только тебя одну, какою являешься ты на улицахъ, на перекресткахъ, на фабрикахъ“. Гл. I. И вотъ такая-то душа, по Тертуліану, изъ глубины своей, изъ вѣдръ своихъ невольно, но и безъ всякаго принужденія совѣтъ проповѣдуетъ догматы христіанскіе о единствѣ Бога и Его промыслѣ, о бытіи демоновъ, о продолженіи жизни послѣ смерти, о вѣчныхъ наградахъ и наказаніяхъ. Она открыто, съ полнѣйшею свободою дома и внѣ дома произноситъ слѣдующія слова: *quod Deus dederit*, и *si Deus voluerit, Deus bonns, Deus benefacit* и пр. Этимъ религіознымъ истинамъ

душу научаешь не мудрость языческая, а сама природа ея, дарованная ей Богомъ, нашимъ Учителемъ. Поэтому одинъ и тотъ же Учитель простой, необразованной души и нашъ—Богъ. Вотъ тутъ-то кроется причина сходства христіанскаго ученія съ ученіемъ души простой, необразованной.

Сочиненіе это написано съ особеннымъ пафосомъ. Въ немъ есть мѣста вполне патетическія, исполненные картинности, пластичности, остроумія и антигезовъ.

Основная мысль этого сочиненія есть та, что душа по природѣ христіанка. Эта мысль высказана Тертулліаномъ въ его Апологіи, въ 17 главѣ, гдѣ онъ доказываетъ единство и безпредѣльность Бога на основаніи согласія всѣхъ людей. Въ концѣ этой главы онъ восклицаетъ: *o testimonium animae naturaliter christianae*. Этой основной мысли дано въ настоящемъ сочиненіи надлежащее развитіе. Не резюмировалъ Тертулліанъ въ своей Апологіи то, что развито было имъ въ *De testimonio animae*, а напротивъ развитъ въ послѣднемъ сочиненіи то, что вкратцѣ высказалъ въ первомъ. Это видно изъ того, что онъ въ *De testimonio animae* указываетъ на Апологію. Говоря о томъ, что Божественное писаніе появилось гораздо раньше языческихъ сочиненій, онъ присоединяетъ: *ut loco suo edocuiamus, какъ мы доказали въ своемъ мнѣніи*. А это сдѣлано Тертулліаномъ въ 19 главѣ Апологіи. Съ другой стороны о *De testimonio animae* упоминается въ сочиненіи Тертулліана *De carne Christi*. Тамъ онъ, говоря о знаніи души, вытекающемъ изъ ея природы, прибавляетъ, что „подробнѣе объ этомъ изслѣдуется въ томъ нашемъ трактатѣ, который мы написали о свидѣтельствѣ души“. Гл. 12. Такимъ образомъ сочиненіе Тертулліана *De testimonio animae* написано между его Апологіею и его *De carne Christi*. Такъ какъ Апологія написана въ самомъ концѣ второго столѣтія (199—200 г.), а *De carne Christi* между 208—213 г., то отсюда слѣдуетъ, что *De testimonio animae* написано въ этотъ промежутокъ времени. Тѣсная, внутренняя связь этого сочиненія съ Апологіею и самый объемъ его даютъ основаніе полагать, что оно написано вскорѣ послѣ Апологіи.

О свидѣтельствѣ души.

Если кто пожелаетъ заимствовать доказательства христіанской истины изъ всѣхъ употребительнѣйшихъ сочиненій философовъ или поэтовъ или какихъ либо другихъ наставниковъ языческой науки и мудрости, чтобы доказать ихъ собственными сочиненіями¹⁾, что враги и гонители ея виновны въ своихъ заблужденіяхъ и въ несправедливости къ намъ; то ему для этого необходима великая любознательность и еще большая память. Нѣкоторые изъ нашихъ²⁾, у которыхъ сохранились и труды любознательности и крѣпость памяти по отношенію къ прежней литературѣ, дѣйствительно составили небольшія сочиненія для этой цѣли. Они отдѣльно говорятъ и свидѣтельствуютъ о началѣ, происхожденіи, ученіи и доказательствахъ тѣхъ мнѣній, изъ которыхъ можно видѣть, что мы ничего не приняли ни новаго, ни чудовищнаго, относительно чего не была бы согласна съ нами всеобщая и отечественная литература, хотя мы кое-какія заблужденія отбросили и кое-какую правду привнесли. Но невѣроятная чело-
вѣческая глупость не довѣряетъ даже тѣмъ своимъ наставникамъ, которые въ другихъ дѣлахъ считаются людьми честнѣйшими и всезнающими, лишь только они дадутъ матеріалъ для христіанской апо-

---

1) *De suo proprio instrumento* Подъ *instrumentum* Тертуліанъ разумѣетъ *libri*—книги, *opera*—сочиненія. Такъ кавги Ветхаго Завета онъ называетъ *vetus instrumentum*. Apol. гл. 47.

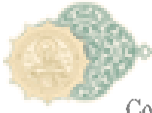
2) Здѣсь Тертуліанъ имѣетъ въ виду христіанскихъ апологетовъ: Кократа, Аристиды, Іустина, Анаксагора, Мелитона, Теофила Антиохійскаго, Татіана, Климента Александрійскаго и пр.

логіи. Поэты тогда лживы, когда они приписываютъ богамъ человѣческія страсти и украшаютъ ихъ фабулами. Философы тогда глупы, когда стучатъ въ двери истины. Кто возвѣститъ ученіе, близкое къ христіанству, тотъ до этихъ только поръ будетъ считаться мудрымъ и благоразумнымъ; такъ какъ, если онъ приобрететъ сколько нибудь мудрости и благоразумія или тѣмъ, что отвергнетъ религіозныя церемоніи, или тѣмъ, что осудитъ этотъ вѣкъ, то его признаютъ за христіанина. Поэтому у насъ ничего не будетъ общаго съ сочиненіями и ученіемъ о превратномъ счастьи, которому вѣрятъ болѣе при мракѣ лжи, чѣмъ при свѣтѣ истины. Пусть узнаютъ, не проповѣдывалъ ли кто о единомъ и единственномъ Богѣ. Но вовсе ничего не сообщено, что призналъ бы христіанинъ невозможнымъ порицать, и то, что сообщено, не всѣ знаютъ, и тѣ, которые знаютъ, не надѣются быть согласными¹⁾. Такъ люди удалены отъ согласія съ нашими сочиненіями, къ которымъ никто не обращается, кромѣ того, который ужъ сдѣлался христіаниномъ. Я призываю свидѣтеля новаго, но онъ извѣстилъ всякой литературы, дѣйстви́тели всякой доктрины, распространеніи всякихъ книгъ, больше всего человѣка; онъ есть все, что составляетъ человѣка. Душа! стань по срединѣ. Если ты божественна и вѣчна, какъ полагаетъ большинство философовъ, то ты тѣмъ болѣе не будешь лгать. Если ты не божественна, такъ какъ ты смертна, что думается одному только Эпикуру, то ты тѣмъ болѣе не должна будешь лгать²⁾. Произошла ли ты съ неба, или появилась изъ земли,

¹⁾ La Cerda даетъ этому мѣсту такое объясненіе: „напротивъ я допускаю, что въ книгахъ языческихъ вовсе ничего не сообщено такого, что христіанинъ призналъ бы благопріятнымъ для истинной религіи, чтобы онъ не могъ порицать то, что тамъ написано“. Дальнѣйшія слова Тертуліана показываютъ, почему онъ не хочетъ пользоваться свидѣтельствами язычниковъ, а именно потому, что сами язычники не знаютъ того, что написано, а тѣ, которые знаютъ, не вѣрятъ.

²⁾ Ригальтій такъ объясняетъ: „если душа божественна и вѣчна, то она тѣмъ болѣе не будетъ лгать, такъ какъ ложь постыдна и не достойна Бога. Если она не божественна, то тѣмъ болѣе не должна лгать, такъ какъ она свидѣтельствуетъ въ угоду Богу, къ Которому не имѣетъ никакого отношенія.

Составилась ли ты изъ чиселъ или изъ атомовъ? Начинаясь ли ты съ тѣломъ, или входишь въ тѣло послѣ? Почему и какъ ты дѣлаешь человѣка, существо разумное, способное чувствовать и знать? Но я призываю тебя не такую, которая изрыгаетъ мудрость, получивъ образованіе въ школахъ, поработавъ въ библіотекахъ, насытившись въ академіяхъ и аттическихъ портникахъ. Я обращаюсь къ тебѣ простой, грубой, необразованной, невѣжественной, какова ты у тѣхъ, которые имѣютъ только тебя одну. какою являешься ты на улицахъ на перекрѣсткахъ, на фабрикахъ. Мнѣ пужно твое незнаніе, потому что никто не вѣритъ моему маленькому знанію. Я требую отъ тебя того, что ты вносишь съ собою въ человѣка, чувствовать что ты научилась или отъ себя самой или отъ какого либо Творца своего. Ты, какъ я знаю, не христіанка; ибо душа обыкновенно дѣлается христіанкою, а не рождается. Однако христіане теперь требуютъ свидѣтельства отъ тебя, чужой для насъ, противъ твоихъ, чтобы они хоть тебя устыдили, потому что они ненавидятъ насъ и смѣются надъ нами за то, о чемъ свидѣтельствуетъ твое собственное сознаніе.

2. Мы не правимся потому, что проповѣдуемъ, что Богъ одинъ только, что Ему одному только принадлежитъ это имя, что отъ Него все произошло и Ему все подчинено. Если ты, душа, знаешь это, то засвидѣтельствуй. Вѣдь мы слышимъ, что и ты явно и съ полною свободою, которой мы не имѣемъ, дома и вѣдь дома проповѣдуешь такъ: *что Богъ дастъ, и если Богу угодно*. Этимъ словами ты и выражаешь, что есть Нѣкто, и признаешь всю власть за Тѣмъ, на волю Котораго ты устремляешь свои взоры; вмѣстѣ съ тѣмъ ты утверждаешь и то, что нѣтъ другихъ боговъ, такъ какъ ты называешь ихъ собственными именами: Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ, Минерпою. Вѣдь ты говоришь, что одинъ только Богъ и Его одного только называешь Богомъ. Хотя ты иногда называешь богами и тѣхъ, однако мнѣ кажется, что ты пользуешься этимъ именемъ, какъ чужимъ и какъ бы взятымъ взасмѣ. Скажи и о природѣ того Бога, Котораго мы проповѣдуемъ; и она не скрыта отъ тебя. *Богъ благо, Богъ благо-творитъ, а человекъ золь*. Такою противоположностію косвенно и прикровенно ты указываешь, что человѣкъ золь потому, что удаленъ

отъ благого Бога. Также то, что мы считаемъ за главнѣйшій догматъ нашего ученія и жизни, именно то, что Богъ благости и добра есть источникъ благословенія, ты такъ охотно произносишь, какъ нужно это произносить христіанину: *Богъ благословитъ тебя*. Но когда ты благословеніе Бога перемѣняешь на проклятіе, то согласно съ нами признаешь, что вся власть Его надъ нами. Есть такіе, которые хотя не отвергаютъ Бога, однако не вѣрятъ тому, что Онъ всевѣдущъ, всемъ управляетъ и всехъ судить, за что насъ, конечно, болѣе всего презираютъ, такъ какъ мы спѣшимъ принять это ученіе, боясь предвозвышеннаго суда. Они почитаютъ Бога такъ, что освобождаютъ Его отъ заботъ промысленія и отъ трудовъ наказанія. Они не приписываютъ ему даже гнѣва. Ибо если Богъ, говорятъ они гнѣвается, то Онъ подвергается разрушенію и страданію. А что страдаетъ и что разрушается, то можетъ погибнуть, что недопустимо въ Богѣ. Но признавая изъ другомъ мѣстѣ то, что душа божественна, и что она произошла отъ Бога, они впадаютъ въ противорѣчіе съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ по свидѣтельству самой души. Ибо если душа или божественна или дана Богомъ, то она, безъ сомнѣнія, знаетъ своего Дателя; а если она знаетъ, то, конечно, и боится Его, такого великаго Дателя. Какъ ей не бояться Того, отъ Котораго она хочетъ скорѣе благожеланія, чѣмъ гнѣва? Итакъ, откуда естественный страхъ души къ Богу, если Богъ не знаетъ гнѣва? Какимъ образомъ Тотъ, Который не знаетъ оскорбленій, возбуждаетъ страхъ? Чего бояться, если не гнѣва? Откуда гнѣвъ, если не изъ права наказанія? Откуда право наказанія, если не отъ суда? Откуда судъ, если не отъ власти? Бому принадлежитъ власть, если не единому Богу? Поэтому тебѣ, душа, приходится дома и внѣ дома, безъ всякой ироніи и безъ всякаго колебанія, по чистой совѣсти произносить слѣдующее: *Богъ видитъ все, вручаю Богу, Богъ воздастъ, Богъ будетъ судьей между нами*. Откуда это у тебя, не христіанки. Ты, даже украсившись коронообразною повязкою Цереры ¹⁾, одѣвшись

---

¹⁾ Намекается на жрецовъ Цереры, отличительнымъ знакомъ которыхъ были головныя повязки.

въ свѣтло-красный плаицъ Сатурна ¹⁾, въ полотняную рубашку Изиды, часто слезно просишь Бога, Судію, въ самыхъ храмахъ. Стоишь ты предъ Эскулапомъ ²⁾, украшаешь мѣдную Юнону ³⁾, надѣваешь черный шлемъ на Минерву ⁴⁾, и никого изъ присутствующихъ боговъ не призываешь во свидѣтеля. На своемъ форумѣ ты призываешь Судью чужого, въ своихъ храмахъ ты терпишь другого Бога. О свидѣтельство истины, которая дѣлаетъ тебя свидѣтельницею христіанъ предъ лицомъ самихъ демоновъ!

3. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы утверждаемъ что демоны существуютъ, то какъ будто бы и не доказываемъ этого, изгоняя ихъ изъ однихъ только тѣлъ, что осмѣиваетъ какой-то послѣдователь Хризиппа. Что они существуютъ и возбуждаютъ отвращеніе къ себѣ, это показываютъ твои проклятія. Ты называешь демономъ чловека или грязнаго, или злого, или гордаго, или имѣющаго какой либо такой недостатокъ, который мы приписываемъ демонамъ, или дерзкаго до того, что онъ возбуждаетъ къ себѣ непремѣнную ненависть. Ты объявляешь сатану при всякомъ омерзѣніи, при всякомъ презрѣніи, при всякомъ проклятіи. Его мы называемъ вѣстникомъ зла, виновникомъ всякаго заблужденія, развратителемъ всего міра ⁵⁾. Имъ съ самаго начала чловекъ былъ обманутъ, вслѣдствіе чего онъ преступилъ заповѣдь Божію, и потому подвергся смерти, а потомъ и весь

¹⁾ Намекается на жрецовъ Сатурна, одежды которыхъ были свѣтло-краснаго или алаго цвѣта.

²⁾ *Sub Aesculapio* подъ Эскулапомъ, т. е. подъ статуею Эскулапа.

³⁾ *Junonem in aere exornas*. Юнона въ мѣди, мѣдная статуя Юноны. Кто хотѣлъ умилостивлять эту богиню, тотъ украшалъ ее вѣнками, цвѣтами и повязками.

⁴⁾ *Minervam calceas furvis galcam formis*. Надѣваешь ты на Минерву шлемъ съ черными изображеніями. Шлемъ Минервы украшался изображеніями грифовъ и сфинксовъ, дававшими ему черный цвѣтъ.

⁵⁾ *Saeculi interpolatorem*. Въ 46 гл. *Apolog.* философъ называется также *interpolator veritatis*, поддѣльвателемъ, искажителемъ истины.

родъ человѣческій, произшедшій отъ него, подвергся осужденію. Поэтому ты чувствуешь своего развратителя, и хотя одни только христіане или какая то секта Господа ¹⁾ знаетъ его, однако и тебѣ онъ не безъизвѣстенъ, если ты ненавидишь его.

4. Что касается до твоего мнѣнія, болѣе близкаго къ тебѣ самой, такъ какъ оно относится и къ самому твоему положенію, то ужъ теперь мы утверждаемъ, что ты пребываешь послѣ конца жизни ²⁾, и что тебѣ ожидаетъ судный день, что ты сообразно съ заслугами своими будешь опредѣлена на вѣчное мученіе или на вѣчное блаженство ³⁾. Для полученія этого тебѣ, конечно, будетъ возвращена прежняя субстанція, матерія и воспоминаніе того же человѣка, потому что ты и не можешь чувствовать ни зла, ни добра безъ тѣла, способнаго ощущать, и судъ не можетъ имѣть никакого основанія безъ представленія того самого, который заслужилъ послѣдствія суда ⁴⁾. Хотя это мнѣніе христіанское гораздо почетнѣе мнѣнія Пинагорова такъ какъ оно не переселяетъ тебя въ звѣря; хотя оно почтнѣе мнѣнія Платонова, такъ какъ оно возвращаетъ тебѣ твое приданое, тѣло; хотя оно серьезнѣе Эпикурова мнѣнія, такъ какъ защищаетъ тебя отъ гибели: однако оно считается за свое имя пустымъ, глупымъ и, какъ говорилъ, предразсудочнымъ ⁵⁾. Но мы не стыдимся этого если нашъ предразсудокъ согласенъ съ тобою. Ибо во-первыхъ, когда ты воспоминаешь о какомъ нибудь покойникѣ, то ты называешь его несчастнымъ, конечно, не потому, что онъ лишился благу жизни, но потому, что онъ уже подвергся суду и наказанію. Впрочемъ иногда

¹⁾ Разумѣются іудеи, которые, какъ и христіане, признаютъ сатану за развратителя рода человѣческаго.

²⁾ *Vitae disjunctionem*. *Disruptio*, разсѣчь, употребляется Тертуллианомъ въ значеніи *конецъ*, *finis*.

³⁾ *Refrigerium*, охлажденіе, прохлада, употреблено здѣсь въ смыслѣ *утѣшеніе*, *блаженство*, *beatitudo*.

⁴⁾ *Judicii passionem*, судное страданіе, то есть, страданіе, испытываемое на судѣ.

⁵⁾ *Praesumptioni deputatur* Вѣру христіанъ язычники называли *praesumptio et obstinatio*. Apol. c. 49. Ad nat. I. 17.